

Г. И. Берестнев, А. А. Камалова, Е. С. Пивовар

КОГНИТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ УСПЕХА В РУССКОЙ ОБЫДЕННОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Поступила в редакцию 30.03.2022 г.

Рецензия от 15.05.2022 г.

17

Предпринята попытка реконструкции глубинных познавательных начал, лежащих в основе мысли об успехе у носителей русского языка. С этой целью концепт УСПЕХ рассматривается с двух точек зрения – ономазиологии и глубинной семантики. Впервые определены две модели успеха в русской языковой ментальности, показаны когнитивные основания семантической эволюции слов, входящих в словообразовательно-этимологическое гнездо слова успех. Гипотетически отмечена близость глубинного познавательного архетипа успеха квантовой реальности.

The paper attempts to reconstruct the deep cognitive principles underlying the idea of success among native speakers of the Russian language. To this end, the concept of SUCCESS is examined in two aspects – onomasiology and deep semantics. For the first time, two models of success in the Russian linguistic mentality are identified, and the cognitive foundations of the semantic evolution of words included in the word-formation-etymological nest of the word success are shown. The closeness of the deep cognitive archetype of the success of quantum reality is hypothetically noted.

Ключевые слова: концепт, когнитивная лингвистика, семантика, лексика, семантическая реконструкция, языковая номинация, законы человеческого сознания

Keywords: concept, cognitive linguistics, semantics, vocabulary, semantic reconstruction, language nomination, laws of consciousness

1. Введение

Особенность современной науки о языке составляет выход за собственные дисциплинарные рамки и стремление к решению задач, еще несколько десятилетий назад считавшихся для нее маргинальными. Так, дисциплинарно очерченными стали исследования, направленные на выявление закрепившихся в языке мифологических представлений народа и связанных с ними фактов материальной культуры — эти задачи решает этнолингвистика [1]. По культурным данным, зафиксированным в реконструированном индоевропейском праязыке, была надежно определена родина праиндоевропейцев [6]. Задачу реконструкции устойчивых культурных моделей, закрепившихся в языке (преимущественно в их ценностном аспекте), в настоящее время решает лингвокультурология [9, с. 54].

Особое место в ряду подобных «экспансивных» дисциплин занимает когнитивная лингвистика. Исходя из ведущего для нее принципа антропоцентризма, она своим объектом имеет уже не собственно язык, а стоящие за его содержаниями глубинные познавательные структуры и механизмы человеческой ментальности. Язык в этих условиях рассматривается как источник данных касательно подобных структур и механизмов. И хотя содержание языковых единиц нельзя отождествлять с содержательными единицами человеческого сознания (особенно на его глубинных уровнях), язык, по словам У. Чейфа, «до сих пор лучшее окно в знание, ведь мы все время используем язык, чтобы выразить его. <...> Язык к тому же наблюдаем, поддается анализу, и нам хочется думать, что он предлагает неплохую возможность анализировать и знание» [17, с. 109]. Эти слова были сказаны более тридцати лет назад, в годы становления когнитивизма в лингвистике, но не утратили своей актуальности и сегодня.

Самая общая цель когнитивных исследований — опираясь на объективно представленные данные, проникнуть в человеческое сознание и постичь его внутреннюю природу. Реализация этой цели сталкивается с колоссальными трудностями. Прежде всего они связаны с тем, что сложно объяснить средствами языка содержательные сущности, которые лежат за его пределами. В силу этого предлагаемые когнитивной наукой теории содержит лишь частичное объяснение решаемой проблемы и, по сути, составляют лишь приближение к ней. «Неформально говоря, — отметил это обстоятельство В. З. Демьянков, — когнитивная теория — та, которая стремится учесть степень близости конкретного исследуемого феномена к сознанию» [8, с. 39].

Широко принятыми объектами когнитивно-языковых исследований являются концепты — содержательные единицы, «которыми оперирует человек в процессе мышления и которые отражают содержание опыта и процессов познания мира в виде неких “квантов” знания» [11, с. 90]. Обращение именно к концептам и концептуальным структурам при изучении человеческого сознания обусловлено двоякостью их природы. С одной стороны, они принадлежат когнитивной сфере, хотя и задают собой ее поверхностный, непосредственно понимаемый содержательный уровень. С другой стороны, концепты закрепляются в языке и, таким образом, рассматриваются на основе внешней по отношению к ним объективной системы. Эту взаимообусловленность языка и концептов имел в виду Леонард Тальми, когда писал: «Исследования по когнитивной семантике — это исследование концептуального содержания и его организации в языке, а поэтому — и природы концептуального содержания и ее организации как таковой» (цит. по: [10, с. 14]).

В этих условиях отдельно встает вопрос о месте, которое в когнитивной сфере человека занимают так называемые ключевые концепты. Традиционно их рассматривают в отношении к культурному сознанию человека. Ср.: «Ключевой концепт — это общекультурное знаковое понятие, особенно важное для отдельно взятой общности. Некоторые ключевые концепты могут анализироваться как центральные точки, вокруг которых организованы целые области культуры» [15, с. 244]. Так, ключевыми в русском лингвокультурном сознании определяются концепты *СОВЕСТЬ*,

СУДЬБА, ВОЛЯ, ГРЕХ, СВОБОДА, РОДИНА, ДУША, ТОСКА [14, с. 137; 4, с. 35–36]. Вполне очевидно, однако, что концепты такого рода составляют результаты и внешние проявления познавательной деятельности человека и могут рассматриваться также с когнитивных позиций. При этом их культурная значимость показывает их важность в познавательной сфере как всего языкового сообщества, так и отдельной личности.

2. Объект и цель исследования

Ниже речь пойдет о концепте *УСПЕХ*, который, несомненно, относится к числу ключевых в русской лингвокультурной ментальности. По замечанию А. Вежбицкой, нет никакой «объективной процедуры открытия» единиц подобного рода [4, с. 36]. Тем не менее можно с уверенностью говорить о том, что данный концепт занимает одно из центральных мест в семантическом пространстве русского языка, связываясь с любимыми видами продуктивной деятельности и отдельного человека, и целой социальной группы, и всего народа. Важно и то, что функциональность этого концепта является всеобщей в языковой среде. Наконец, успех как событие объективной реальности оценивается положительно и в самом общем плане составляет идеальную цель человеческой деятельности.

В лингвокультурологии обращение к единицам подобного рода связано со стремлением найти в соответствующей лингвокультурной традиции «что-то существенное и нетривиальное» [4, с. 37]. Однако неизбежным в этих условиях оказывается и их рассмотрение в когнитивном аспекте, когда в центре внимания оказываются глубинные признаковые структуры ключевых концептов. Эта установка ценна сама по себе: выявление содержательной структуры концепта, имеющего высокую культурную значимость, позволяет проникнуть в сознание носителей языка и при сравнении, должным образом организованном, определить его особенности.

Исходя из всего этого цель работы составила реконструкция глубинных когнитивных характеристик представления об успехе и успешности в сознании носителей русского языка.

3. Теоретические и методологические основания

Теоретическая и методологическая основа исследования представлена следующими положениями:

1. Реальная признаковая структура концепта *УСПЕХ* во всей ее полноте является более широкой по сравнению с непосредственным лексическим выражением, выходит за рамки языка и принадлежит собственно познавательной сфере ассоциированного носителя русского языка.

2. Когнитивная структура концепта *УСПЕХ* более отчетливо проявляет себя в широких семантических условиях, представленных целыми концептуальными областями. Определяющиеся при этом семантические связи позволяют увидеть в структуре данного концепта потенциальные признаки, показывающие его реальное когнитивное наполнение. Условия такого рода задают концептуальную область, организующаяся вокруг концепта *УСПЕХ*.

3. Практическое выявление глубинной признаковой структуры концепта *УСПЕХ* осуществляется в актах семантической реконструкции. Ее надежность повышается при рассмотрении множества слов, имеющих разную грамматическую принадлежность, но объединяемых связью с исходной идеей успеха и этимологическим родством (ср.: *успех* – *успешный* – *успешность* – *спеть* и др.).

4. Эти семантические реконструкции становятся еще более глубокими и надежными при рассмотрении семантической структуры концепта *УСПЕХ* на материале уже неродственных языков, то есть при выходе на типологический уровень. Полученные в этих условиях данные имеют самое непосредственное отношение к познавательной сфере человека [7, с. 35].

4. Методы

Специфика целевой установки исследования и решаемых частных задач предопределили обращение к следующим исследовательским методам:

- ономаσιологический и этимологический виды анализа, позволившие определить первоначальную мотивацию слов, обозначающих концепт *УСПЕХ* в русском языке, и тем самым выявить его когнитивные начала в русском языковом сознании;
- словообразовательный анализ, благодаря которому определяются содержательные аспекты концепта *УСПЕХ* в аспекте его лексического выражения и тем самым более надежно реконструируются его первоначальные содержательные состояния в русском языке;
- концептуальный анализ, на основе которого надежно воссоздаются содержательные структуры концепта *УСПЕХ* в русской языковой ментальности;
- сопоставительный анализ, позволивший определить наиболее глубокие и универсальные когнитивные начала в содержательной структуре концепта *УСПЕХ*;
- метод словарных дефиниций, позволивший определить наиболее заметные признаковые характеристики в содержательной структуре концепта *УСПЕХ* по данным различных словарей;
- семантическая реконструкция, при которой по вариативным данным языка воссоздаются инвариантные содержательные характеристики концепта *УСПЕХ*, имеющие уже статус его когнитивных начал.

5. Полученные результаты

5.1. Мотивирующие основания мысли об успехе и успешности в русском языке

Самые первые сведения о способе когнитивного освоения человеком необходимой мысли дает рассмотрение ее номинации в языке. Именно номинация представляет собой акт, в котором результат когнитивного освоения мира человеком воплощается в языковых формах. Таким образом, в актах номинации структуры сознания оказывают опережающее влияние на язык [10, с. 94 – 95]. При этом, однако, действует обязательное

правило опоры на уже имеющиеся у человека знания о мире — именно эти знания обнаруживаются в ономаσιологическом анализе языковых единиц.

В русском языке слово *успех* со своими производными *успешный*, *успешность* связано деривационными отношениями со словом *успеть* и мотивировано его семантикой. Исходя из этого «успех» понимался носителями русского языка примерно как достижение намеченного результата в некий ограниченный отрезок времени (ср.: *В обеденный перерыв она успела обойти все ближайшие магазины; За время, пока мы не виделись, он успел два раза жениться и развестись; Они очень опаздывали, но все-таки успели на поезд*). В этом случае мотивация слова *успех* определяется его линейными связями с основанием «успеть», представленными в языке и, таким образом, имеющими поверхностный характер.

Однако она может быть рассмотрена в аспекте нелинейных семантических связей данной лексемы, проявляющих себя в более широкой перспективе этимологического родства. И прежде всего в этом плане должно быть рассмотрено слово *спеть*, выражающее достаточно широкий спектр значений. Таковы, в частности, значения спелости, зрелости (*Виноград спеет в октябре*), готовности к употреблению (*Жаркое спеет 'варится, печется, доходит на огне, вскоре будет годно в пищу'; Арбузы спеются*), подготовка к использованию (*Враги, спеющие луки; Король спьяшет рать велику*), эффективности деятельности (*Работа кипит и спеет; Спей свое дело*), подготовки чего-либо к определенному сроку (*Мы-де готовимся на службу, запасы спеем*), торопливости и скорости (*Собаки спеют по зайцу; Не спехом дело спорится, а толком; Спех людям на смех; Спешный отъезд*), срочности (*Мне не к спеху*) [Даль].

Можно увидеть, таким образом, что семантика слова *спех* в русском языке реализуется в трех общих содержательных направлениях: «имманентной готовности к использованию-употреблению», «эффективности в деятельностном плане», «своеобразной событийной компрессии, скорости». В их числе наиболее близким источником для образования концепта УСПЕХ видится аспект деятельностной эффективности.

Рассмотрение слов *успех*, *успеть* и *спеть* в более широкой перспективе языкового родства позволяет внести в эту картину дополнительные детали. Сохраняя идейную связь с отмеченными содержательными направлениями, соответствия других индоевропейских языков показывают возможные направления их дальнейшего преобразования — таковы, например, словен. *srêh* 'поспешность' и вместе с тем 'процветание', др.-в.-нем. *sriun* 'удаваться', лат. *srêro* 'надеяться, ожидать, полагать, опасаться', др.-инд. *sphāyatē* 'жиреет', 'прибавляется' и др. [Фасмер].

В целом факты подобного рода позволили реконструировать семантику соответствующего праиндоевропейского корня «успех, процветание» как базовую — ср.: **sp(h)ē(i)-**, **spī-** / **sphē-**: **sphə-** 'процветать; распространяться, расти = толстеть; добиваться успеха; иметь успех, удачу; удаваться; удача, успех', **sphē-ti-** 'процветание, благополучие, преуспевание' [Pokorný, S. 983].

Факты подобного рода позволяют заключить, что ближайшим мотивирующим основанием для концепта УСПЕХ в русской языковой мен-

тальности выступает семантический комплекс «достижение намеченного результата в некий ограниченный отрезок времени», на несколько более глубоком уровне такое основание составляет идеологема «деятельностная эффективность» и в самом общем плане УСПЕХ связывается с мыслью о процветании, благополучии.

Еще более глубинные когнитивные начала концепта УСПЕХ могут быть выявлены при осуществлении структурно-семантического анализа совокупности слов, с ним содержательно связанных.

5.2. Структура мысли об успехе

22

Обращаясь к реконструкции частных структурно-содержательных особенностей концепта УСПЕХ, необходимо сделать несколько предварительных замечаний, касающихся установочных сторон этой процедуры. Прежде всего в этих условиях важно учитывать законы преобразования лексической семантики — процессы расширения или сужения значений, метафорические или метонимические переносы и др. [5, с 454].

Также в этих условиях должна соблюдаться установка на реконструкцию таких семантических состояний, связанных с концептом УСПЕХ, которые являются инвариантными по отношению ко всем лексическим и грамматическим условиям реализации этого концепта. Эти состояния рассматриваются уже в отношении к глубинной когнитивной сфере человека.

Описание когнитивной структуры мысли об успехе и успешности возможно на основе определения их элементарных познавательных условий — таких, например, как субъект, объект, активность, пассивность, время, финитность процесса и др. Сходная процедура осуществляется в семантической реконструкции более поверхностных уровней, когда воссоздается не конкретное значение конкретного слова, а совокупность актантов ситуации, через которую это значение описывается [6, с. xci].

Итак, согласно Малому академическому словарю русского языка, в семантической структуре слова **успех** определяются следующие значения: 1) 'положительный результат, удачное завершение чего-л.', в связи с которым указываются еще две его вариации — 'благоприятный исход, победа в каком-л. сражении, поединке и т.п.' и 'хорошие результаты в учебных занятиях, достижения в освоении, изучении чего-л.'; 2) 'общественное признание, одобрение чего-л., чьих-л. достижений' с вариативными значениями (но на самом деле претендующими на самостоятельность) 'признание окружающими чьих-л. достоинств; интерес, влечение со стороны лиц другого пола' [МАС].

При этом вполне очевидно, что отмеченные семантические вариации первого значения составляют тематические сужения исходного общего значения: в одном случае имеется в виду сфера военного противостояния, в другом — учебная сфера. Иные процессы обозначились в вариациях второго значения: 'признание окружающими чьих-л. достоинств' связано с интересом не к деятельности лица, а к его положительным сторонам, определяемым «в синхронии»; значение 'влечение со стороны лиц другого пола', по сути, сводится к значению признания достоинств лица ('влечение к кому-л. со стороны лица другого пола' представляет собой психологическую реакцию на его достоинства).

Структурный анализ значения 'положительный результат, удачное завершение чего-л.' слова **успех** позволяет говорить о ряде следующих познавательных характеристик в отношении глубинного представления об успехе и успешности.

А. **Субъект и волевое начало.** Успех прежде всего связывается с мыслью о субъекте, который может быть единичным или ассоциированным, конкретным или абстрактным (ср.: *Успехи российских спортсменов на чемпионате; Успехи культурного строительства*). Но он неизменно представляет собой одушевленное существо, способное действовать по своей воле. Неживые, неодушевленные объекты с концептом УСПЕХ не связываются (ср.: невозможность предложений **Успех пули в поражении мишени; *Успехи дождей в наполнении пересохших водоемов*). Вместе с тем неодушевленные предметы могут быть о р у д и е м в достижении успеха человеком, и тогда успех приписывается ему — ср.: *Стрелок достиг успеха, поразив мишень всеми тремя пулями.*

Б. **Активность субъекта.** Также необходимым условием успеха является активность субъекта, которая составляет внешнее проявление его волевого начала и связанной с ним деятельности (даже если этот субъект мыслится абстрактно). И наоборот, в семантических условиях статики, отсутствия внешней деятельности потенциально активного субъекта концепт УСПЕХ невозможен — ср.: **Обломов добился больших успехов в лежании на диване.*

В. **Целеположенность и позитивная финитность.** Концепт УСПЕХ в своей когнитивной структуре содержит представление о цели, на которую направлена деятельность субъекта и которая составляет ее сущностный предел. Вне достижения такого предела нет и не может быть успеха. Сам успех определяет этот предел. Важно отметить при этом, что цель, достижение которой рассматривается как успех, имеет ситуативно-обусловленный положительный характер — ср.: *Добились успеха в уничтожении противника, но невозможно: *Успехи мародеров в разграблении брошенных домов.* Существенно важно в этих условиях и то, что полученный в результате осуществляемого действия положительный результат, концептуализируемый как УСПЕХ, заранее не известен — всегда существует риск действия, которое не определяется как успешное. Исходя из этого успеху придается особая значимость, а сам он часто характеризуется посредством стилистически высокой странственной метафоры «венца» — ср.: *Наши поиски увенчались успехом.*

Г. **Сила, усилие.** Предварительная незаданность успеха и зависимость его от активности субъекта предполагает наличие в когнитивной структуре мысли о нем представления об усиллии. Субъект должен приложить усилия для того, чтобы достичь намеченной цели, что, собственно, и мыслится как УСПЕХ. Эта позиция обнаруживает себя на языковом уровне в конструкциях *добиться успеха, достичь успеха.* Глагольные слова в их составе отчетливо демонстрируют в своих семантических структурах признак «сила, усилие». Этот же признак просматривается в семантических структурах ряда отглагольных существительных с семантикой активных действий, направленных на получение желаемого результата, — ср.: *Его работа / борьба / старания / усилия / попытки увенчались успехом.*

Что касается значения 'общественное признание, одобрение чего-л., чьих-л. достижений', то в его составе определяются иные познавательные характеристики:

А. Пассивность субъекта и, наоборот, активность успеха. В семантических условиях такого рода субъект занимает пассивную позицию, он не *стремится* к успеху, не *добивается* его. Зато свойство активности проявляет успех, который сам находит субъекта и становится его атрибутом, — ср.: *Успех рано пришел к молодому писателю; Успех обрушился на режиссера*. Подобная «активность» успеха может проявляться с разной силой — от самой незначительной (ср.: *Успех пришел к нему незаметно*) до предельной и подавляющей субъекта (*Успех обрушился на него*).

Б. Область проявления успеха. Отмеченное значение слова *успех* предполагает наличие в его когнитивной структуре мысли о явлении, в отношении которого успех реализовался. При этом подобные явления могут иметь конкретный или абстрактный характер, но они всегда составляют результат творческой деятельности человека — таковы, в частности, «роман», «монография», «симфония», «концерт», «проект», «выступление», «доклад» и т.п.

В. Относительная активность области реализации успеха. В данных семантических условиях ситуация успеха может мыслиться независимо от субъекта, а активность обнаруживает само явление, с которым связывается успех. При этом его активность проявляется в том, что соответствующее явление может «иметь» успех или «пользоваться» им, — ср.: *Роман имел большой успех; Его лекции пользовались успехом*. Этим активность области реализации успеха, собственно, и ограничивается.

Г. Субъектная среда успеха. Эта актантная характеристика относится к имплицитно представляемой совокупности людей, которые в данных семантических условиях мыслят успех. Условия такого рода всегда допускают наличие вопросов — *у кого? в какой среде?* Ср.: *Повесть имела большой успех (у кого? — у любителей любовных повестей); Лекции профессора пользовались особым успехом (в какой среде? у кого? — у старшекурсников)*.

При этом следует отметить два дополнительных обстоятельства. Во-первых, субъектная среда успеха мыслится как совокупность людей, которые заинтересованы в области реализации успеха и в состоянии оценить ее достоинства. Во-вторых, с этих позиций объясняется глубинная семантическая природа отмеченного в словаре значения 'признание окружающими чьих-л. достоинств, интерес, влечение со стороны лиц другого пола' (*Андрей имел успех у женщин / Андрей пользовался успехом у женщин*). В случаях такого рода грамматическое подлежащее (*Андрей*) — это относительно активная область реализации успеха (ср. более активное в этом отношении: *Андрей заслужил успех у женщин*), а дополнение (*у женщин*) — субъектная среда успеха. Таким образом, языковые конструкции типа *Лекции профессора пользовались большим успехом* и *Андрей имел успех у женщин* оказываются тождественными в плане их глубинной когнитивной структуры.

Д. Динамичная высокая степень. В данных когнитивных условиях концепт УСПЕХ обнаруживает актуальную связь с функциональным признаком Magn. Речь идет о возможном выражении высокой степени проявленности успеха посредством дополнительных слов, в семантических структурах которых содержится признак «очень». Ср.: «Мы будем понимать Magn максимально широко (возможно, более широко, чем это допускается канонами МСТ (модели «Смысл→Текст». — Г. Б., А. К., Е. П.), называя Magn'ами любые слова со значением высокой степени» [12, с. 256]. В отношении успеха таких Magn'ов-прилагательных определено около пятидесяти, и они главным образом являются метафорами большой размерности (*большой / крупный / великий / громадный / колоссальный* и др.), метафорами «сильного» восприятия (*безумный / бешеный / головокружительный / ошеломляющий / поразительный / потрясающий / сумасшедший / впечатляющий* и др.), словами с семантикой некой выделенности (*особый / беспримерной / замечательный / исключительный* и др.), метафорами интенсивного звучания (*громкий / шумный / оглушительный*) [13].

Важно отметить, что эта характеристика успеха имеет ограниченный характер и проявляется только в «положительной» смысловой зоне — от выделяемого в принципе до принципиально и отчетливо отмеченного признака «сила, интенсивность». Ср.: *Лекции профессора пользовались особым успехом; Выступления артиста имели шумный успех; Успех обрушился на молодого писателя; Выступления ансамбля народного танца неизменно проходят с большим / грандиозным / колоссальным успехом.*

Показательно и то, что взаимодействие концепта УСПЕХ с признаками, противоположными признаку Magn, типа «небольшой», «тихий», «незначительный», «умеренный» и т.п. невозможны — ср.: **Лекции профессора пользовались небольшим успехом, *Выступления артиста имели тихий успех.* Вместе с тем допускаются конструкции, в которых отрицается высокая степень успеха (но не он сам), — ср.: *Лекции профессора не пользовались особым / большим успехом; Выступления артиста не имели большого / шумного успеха* («успех имел место, но он был незначительным»). Это обстоятельство говорит о том, что в когнитивной структуре успеха содержится признак «сила», внутренне присущий самому успеху, но он может быть и дополнительно скорректирован внешними лексическими операторами — словами-Magn.

5.3. Когнитивная структура мысли об успехе в условиях более широких словообразовательных связей

При рассмотрении концепта УСПЕХ в контексте более широких этимологических связей обнаруживаются дополнительные направления преобразований лежащего в его основе когнитивного прототипа.

А. Скорость, быстрое движение. Эта идея выражается словом *спешишь* 1) 'стараться сделать, исполнить что-л. как можно скорее, торопиться', 2) 'быстро идти, двигаться, стараться быстрее попасть куда-л.', 3) 'показывать неверное, более позднее, чем в действительности, время (о часах)' (последнее значение, по сути, инициировано представлением об ускоренном движении стрелки относительно реального времени). Легко увидеть, что идея быстрого движения связывается с

признаком «активность субъекта», определяемым в когнитивной структуре первого концепта УСПЕХ. Этот признак проявляется и в «старании» субъекта, отмеченном в метаописании основных значений слова *спешить*. Вместе с тем в данных условиях актуальным оказывается принципиально новый признак «скорость». На глубинных когнитивных уровнях он представляет мысль о компрессии событий, но одновременно связан с мыслью об активности субъекта [2, с. 110–130]. Эту же идею быстрого движения выражают слова *спешка*, *спех* (*не к спеху*), *поспешный*, *поспешать*.

Явно вторичный характер имеет заметная оценочная амбивалентность слов, обозначающих такое быстрое движение: с одной стороны, *поспешать*, *спешить* ‘торопиться, поспешать, стараться сделать и кончить что скорее, бороться, гнать делом шибко, быстро, прытко; не медлить, не мешкать, не мотчать’ [Даль], а с другой – *спех* (*Спех людям на смех*), *поспешный*, *наспех* ‘поспешно, торопливо’. Первые имеют положительные коннотации, связываясь с мыслью о продуктивном действии, вторые – с отрицательными коннотациями и мыслью о некачественности выполняемого дела (*Спех людям на смех; Делали наспех, а сделали на смех!*). На этой основе определяется следующая когнитивная модель: выполняемое дело требует вполне определенного, отвечающего ему времени; на качество этого дела влияет и излишняя медлительность в его осуществлении, и неоправданная поспешность.

Б. Предельное раскрытие сущностной природы явления. В рамках этой концепции реализуется мысль о том, что некоторые явления развиваются во времени и доходят до такого идеального состояния, когда их внутренняя сущностная природа раскрывается во всей своей полноте.

Явления подобного рода представлены в русской лингвокультурной традиции практически полностью продуктами питания – овощами и фруктами, раскрывающими свою сущностную природу в темпорально обусловленной зрелости, и блюдами, требующими времени для приведения их в состояние готовности к употреблению. Эта концепция выражается словом *спеть*: *Виноград спеет в октябре; Щи спеют; Провесная рыба, балыки спеются; спелиха* (моск.) ‘зарница, от которой, будто, хлеб спеет’, *доспеть* (устар.) ‘прийти, наступить (о времени)’. По-видимому, единственное исключение в этом ряду – *Чирей спеет*.

Такая мысль о зависимости идеально «созревшего» явления от темпорального фактора преобразовалась далее в семантику некоего «урочного времени, срока», определяемого абстрактно – ср.: *спеть* (что) ‘готовить, изготовлять к сроку; заготовлять, припасать’; *Мы де готовимся на службу, запасы спеем*; (стар.) *Король спьяшет рать велику* [Даль].

Однако эта идея может мыслиться и в отношении более конкретных событий, которые в данных условиях выступают метонимическими репрезентантами «урочного времени» [3, с. 28–30]. События такого рода не подвержены влиянию со стороны активного субъекта и на концептуальном уровне языка обозначаются прямо – ср.: *поспеть / успеть / успевать к отходу поезда / ужину / началу спектакля / открытию выставки* и т.п. При этом можно заметить и то, что такие события определяются, по сути, в своей начальной фазе, а мысль об этой их «на-

чальности» может быть лексически оформлена (ср.: *успеть к началу спектакля, поспеть к открытию магазина*), но может иметь и имплицитный характер.

В. Успешное действие в ограниченное время. Это направление семантического преобразования мысли об успехе обусловлено ее дополнением смыслом темпоральности и собственно критическим смыслом малого количества времени для осуществления субъектом заявленного важного действия. Соответствующее содержание обозначено глаголом *успеть*: *успел увидеть нечто / подхватить падающую вазу / отвести взгляд / подать документы / сгруппироваться при падении / увести машину от столкновения / катапультироваться* и т.п. Структурно содержание данной идеолеммы представляется следующей комбинацией когнитивных величин: *успеть сделать P* = «успех в реализации P» & «малое количество времени». При этом событийная «уточность» времени определяется, по сути, содержанием действия *P*, оцениваемого как «успешное».

Г. П о м о щ ь и п о л ь з а. Эти содержания, вышедшие на уровень концептуальных, представлены в русском языке словами *спешник* (стар). *споспешник* ‘помощник, пособник, покровитель’ [Даль], *приспешник* (устар.) ‘помощник, служитель’ [МАС] (значение ‘соучастник в чем-л. неблагоприятном’ представляет собой очевидное сужение предыдущего). Структурно они включают такие когнитивные характеристики, как «активный субъект» и «активный контрагент» (тот, кто осуществляет помощь), «произвольная деятельность», «совпадение цели деятельности».

Осмысление успеха (его первой модели) в аспекте значимости для человека привело к формированию значения ‘польза’. При этом в русском языке эта польза мыслится еще как «положительный результат» — ср.: *успех* ‘положительный результат, удачное завершение чего-л.’ [МАС], но уже сразу за его пределами определилась как собственно «польза» — ст.-слав. *оуспѣхъ* ‘польза; удача’, *оуспѣшьнь* ‘полезный’ [Благова и др., с. 745–746].

6. Заключение

Осуществленное рассмотрение концепта УСПЕХ в аспекте его глубинной когнитивной структуры позволяет сделать выводы, касающиеся глубинной когнитивной природы мысли об успехе и в целом природы познавательной сферы человека.

1. Семантический архетип успеха в познавательной сфере носителей русского языка представляет собой диффузное содержательное образование — когнитивное поле, в котором нет центра и периферии (каждый элемент одновременно является и центром, и периферией) и в котором потенциально заложены все аспекты его дальнейшей концептуальной актуализации. Именно с этим положением связано отсутствие прямых корреляций между семантическими преобразованиями и.-е. корня **sp(h)ē(i)-*, *spī-* / *sphē-*: *sphə-* ‘процветать; распространяться, расти = толстеть; добиваться успеха; иметь успех, удачу; удаваться; удача, успех’ и его формальными преобразованиями (ср. рус. *спех* (прост.) ‘поспешность, торопливость, спешка’ и вместе с тем *Дело наше спешит* ‘идет

удачно'; ст.-сл. *оустъхъ* 'польза' и 'удача', словен. *spêh* 'поспешность' и 'процветание' и т.п.). Отмеченные особенности когнитивного поля успеха обнаруживают в нем свойства квантовой реальности с ее основными характеристиками нелокальности и запутанности.

2. Отмеченные когнитивные единицы в структуре мысли об успехе близки актантам внеязыковой ситуации, но большей частью принадлежат иному измерению. Так, в данных условиях «контрагент» – это не второй равноактивный деятель внеязыковой ситуации, выполняющий «встречное» по отношению к основному субъекту действие [1, с. xxxii], а лицо, присоединяющее свои усилия к усилиям субъекта, выполняющего определенное действие; «активность субъекта», «целеположенность» и «позитивная финитность» действия – характеристики, принадлежащие познавательной сфере человека и не определяющиеся вне этой сферы.

3. Когнитивные единицы в структуре мысли об успехе вступают в разные комбинации, образуя основу для новых концептов в языковой ментальности носителей русского языка. Однако они представляют собой некий постоянный каталог элементарных когнитивных параметров («время», «активность», «деятельный субъект», «активность», «финитность», «сущностная полнота» и др.), которые имеют вид своеобразных когнитивных «констант» и обеспечивают постижение мира человеком.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Структура словарной статьи словаря // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М.; Вена, 2004.
2. Берестнев Г.И. В поисках семантических универсалий. Калининград, 2010.
3. Берестнев Г.И. Когнитивное освоение времени // Россия: изменяющийся образ времени сквозь призму языка. Репрезентация концепта времени в русском языке в сопоставлении с английским и немецким языками. М., 2012. С. 27 – 33.
4. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001.
5. Гак В.Г. Языковые преобразования. М., 1998.
6. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, 1984.
7. Гринберг Дж., Осгуд Ч., Дженкинс Дж. Меморандум о языковых универсалиях // Новое в лингвистике. М., 1970. Вып. 5. С. 31 – 44.
8. Демьянков В.З. Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория // Язык и структуры представления знаний. М., 1992. С. 39 – 77.
9. Ковшиова М.Л. Лингвокультурологический метод в фразеологии: Коды культуры. М., 2013.
10. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.
11. Кубрякова Е.С. Концепт // Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1997. С. 90 – 93.
12. Кустова Г.И. Слова со значением высокой степени: семантические модели и семантические механизмы (Magn'ы-прилагательные) // Слово и язык : сб. ст. к 80-летию Ю.Д. Апресяна. М., 2011. С. 256 – 267. URL: https://ruslang.ru/doc/apresjan_festschrift2011/Kustova.pdf (дата обращения: 25.03.2022).

13. Кустова Г. И. Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени // Словари, созданные на основе Национального корпуса русского языка. URL: <http://dict.ruslang.ru/magn.php> (дата обращения: 25.03.2022).

14. Маслова В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие. М., 2001.

15. Пивовар Е. С. Ключевой концепт как структурирующее начало языковой картины мира у белорусов и русских // Русистика. 2019. Т. 17, №2. С. 243–254.

16. Толстой Н. И. О предмете этнолингвистики, о ее роли в изучении языка и этноса // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (Язык и этнос). М., 1983. С. 181–190.

17. Chafe W. L. Repeated verbalizations as evidence organization of knowledge // Preprint of the plenary session papers. XIV International Congress of Linguists. Berlin, 1987. P. 88–110.

Словари

Благова и др. — *Старославянский словарь* (по рукописям X–XI веков) / Э. Благова, Р. М. Цейтлин, С. Геродес [и др.]. М., 1999.

Даль — *Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка*. 2-е изд. М.; СПб., 1955.

МАС — *Словарь русского языка* : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1985–1988.

Фасмер — *Фасмер М. Этимологический словарь русского языка*. М., 1964–1973.

Pokorny — *Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. 1. Tübingen ; Basel, 2005.

Об авторах

Геннадий Иванович Берестнев — д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: berest-gen@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1783-6253>

Алла Алексеевна Камалова — д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: aaka46@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5165-9515>

Екатерина Сергеевна Пивовар — канд. филол. наук, доц., Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, Беларусь.

E-mail: eka15580575@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1760-3695>

The authors

Prof. Gennady I. Berestnev, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: berest-gen@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1783-6253>

Prof. Alla A. Kamalova, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: aaka46@rambler.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5165-9515>

Dr Yekaterina S. Pivovar, Associate Professor, P.M. Masherov Vitebsk State University, Belarus.
E-mail: eka15580575@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1760-3695>